

Цэнь Цзибай не мог полностью доверять Сун Чжияо, но, кроме него, больше не было никого, кому можно было бы довериться. Поскольку они были полезны друг другу, Сун Чжияо, вероятно, должен был оберегать жизнь Цэнь Цзибая.

В прошлой жизни Цэнь Цзибай сильно зависел от госпожи Чжоу и всецело ей верил. Правитель Ся был поглощён развлечениями и красавицами, мало заботясь о нём и его матери. Цэнь Цзибаю казалось, что помимо материнской любви их связывала ещё и взаимная поддержка в борьбе за выживание... Но всё это оказалось иллюзией.

Пережив жизнь заново, Цэнь Цзибай решил, что у него нет ни родителей, ни братьев, ни родных. Лишь в полночных снах его охватывала глубокая тоска.

— Где Синьчэнь? — Линь Цзинь, видя, что тот молчит, снова спросил о Сун Сяоси.

Цэнь Цзибая обычно сопровождали либо Сун Сяоси, либо Линь Сюнь. Эти двое не ладили друг с другом; собравшись вместе, они могли и подраться. Поэтому если Цэнь Цзибай выходил из дворца, то с кем-то одним.

Линь Цзинь не любил Сун Сяоси, но внешне поддерживал приличные отношения. Он был не похож на Линь Сюня, который любил приставать к Сун Сяоси, доводить его до слёз, потом утешать — и снова дразнить. Линь Цзинь же просто не желал видеть Сун Сяоси и всякий раз, когда тот появлялся в доме Линь, старался избегать встречи.

К сожалению, госпожа Линь его любила и часто приглашала в гости. Его кроткий, нежный нрав, похожий на девичий, а также слёзы — всё это напоминало ей Линь Сюня в детстве.

Госпожа Линь порой сожалела: маленький Сюнь вырос и превратился в сорванца.

А Цэнь Цзибай, наконец-то выбравшись из дворца, слышал лишь вопросы о Линь Сюне или Сун Сяоси. Он стоял на месте, всё больше мрачней и не зная, как начать разговор.

Он принёс несколько трудов по военной стратегии и спросил Линь Сюня, но тот не разбирался, поэтому Цэнь Цзибай обратился ко второму и третьему братьям, которые были дома.

Благодаря этому Цэнь Цзибай смог кое-что обсудить с Линь Цзинем, используя знания и опыт своих двадцати лишних лет жизни, чтобы заслужить его уважение.

Линь Сюнь уже устал быть посредником и прямо сказал, чтобы Цэнь Цзибай спрашивал сам. Тот тоже чувствовал, что Линь Цзинь, вероятно, уже не так сильно его недолюбливает, но в дом Линь всё равно боялся идти.

Откладывая до мая, когда должен был состояться дворцовый пир в честь Дуанью, он думал, что они обязательно встретятся. Но у Линь Цзиня день рождения был третьего мая, и Цэнь Цзибай получил от него подарок. Ему очень хотелось ответить тем же. На второй день мая, когда откладывать было уже некуда, он сам покинул дворец, чтобы найти его.

В конце концов, в эти дни семья Линь была в радостном настроении, и даже недовольство Линь Цзиня при виде его могло уменьшиться с пяти до трёх баллов.

Но, увидев Линь Цзиня, он услышал лишь вопросы о Линь Сюне и Сун Сяоси, что было совсем неинтересно.

В этот момент кто-то вышел искать Линь Цзиня.

— Мэнчжоу, — учитель в школе не узнал Цэнь Цзибая, но, увидев, что Линь Цзинь уже который стоит во дворе с молодым господином, счёл это странным. Опасаясь, что с третьим сыном семьи Линь что-то случилось, он позвал одноклассника найти его.

Цэнь Цзибай услышал, как кто-то зовёт Линь Цзиня, и, взглянув на человека, который показался знакомым, удивился:

— Цзайчжоу?

Генерал столичной гвардии Цзян Пин в прошлой жизни, вероятно, выглядел так в молодости. Цэнь Цзибай не ожидал встретить его здесь.

Те, кому молодой правитель Ся мог доверять, вроде Линь Сюня, сражались на северных границах. Когда Цэнь Цзибай расправился с семьёй Чжоу и захотел найти надёжного человека для управления императорской гвардией, подходящих кандидатов не оказалось. Тогда в гвардии служил молодой офицер по имени Цзян Пин, также известный как Цзайчжоу. Линь Цзинь доверял ему при жизни, и Цэнь Цзибай повысил его.

В этот момент Цэнь Цзибай подумал: неудивительно, что Линь Цзинь ему доверял — они же были одноклассниками в клановой школе.

Рядом с Линь Цзинем было много людей, и он, вероятно, не слишком заботился о том, презирает ли его Цэнь Цзибай за внешность. Напротив, из-за этого презрения он, наверное, считал Цэнь Цзибая мелким, поверхностным человеком, ценящим лишь оболочку... От этой мысли Цэнь Цзибаю стало ещё горше.

— Откуда ты знаешь, что моё имя Цзайчжоу? — Цзян Пин был всего лишь четырнадцатилетним юнцом, с круглыми от удивления глазами, в которых ещё светилась детская наивность.

Цэнь Цзибай не успел как следует расслышать, как Линь Цзинь сказал:

— Скажи учителю, что я беру отгул.

Сказав это Цзян Пину, Линь Цзинь взял Цэнь Цзибая за рукав и вывел из клановой школы.

Цэнь Цзибай с изумлением позволил увести себя, в голове пульсировала одна мысль: третий брат держит меня за рукав, третий брат держит меня за рукав...

Он покорно шёл за Линь Цзинем, и в ярком солнечном свете золотая маска слепила глаза, не давая подолгу смотреть на него. Но Цэнь Цзибай, напротив, находил, что Линь Цзинь стал ещё прекраснее.

Он потерял глаза и продолжил с глупой улыбкой смотреть на Линь Цзиня.

Линь Цзинь видел улыбку Цэнь Цзибая много раз, но лишь на этот раз она была особенно бессмысленной, однако без прежней отчуждённости.

Цэнь Цзибай выглядел даже глупее, чем тот трёхлетний карапуз, который смотрел на него с туповатой ухмылкой, но, казалось, добавилось нечто более весомое... Линь Цзинь почувствовал, как лицо его горит, и вдруг отбросил руку Цэнь Цзибая, сделав несколько быстрых шагов вперёд в одиночестве.

Цэнь Цзибай остался на месте, в голове теперь стучало: третий брат бросил меня, третий брат бросил меня, третий брат вывел меня, чтобы бросить...

— Ты идёшь? — Линь Цзинь, видя, что тот не следует, обернулся и позвал, не понимая, что опятьстряслось с этим третьим принцем.

Цэнь Цзибай вздрогнул, быстро пришёл в себя и бросился догонять. — Третий брат, не сердись, — робко потянул он за рукав Линь Цзиня, осторожно глядя на него.

Линь Цзинь, видя, как Цэнь Цзибай держит его за рукав, почувствовал, как тепло снова поднимается к щекам, лишь-только успевшим остыть. Он отвернулся, разглядывая лавки по обеим сторонам улицы, и снова спросил:

— Зачем ты вообще пришёл?

Они стояли близко, и Линь Цзинь разглядел шпильку в волосах Цэнь Цзибая. Шпилек из чёрного золота было немало, но та, что была у Цэнь Цзибая, отличалась особой скромностью. Линь Цзинь сначала не обратил на неё внимания. Теперь же, рассмотрев, он понял — это та самая, что он сам подарил Цэнь Цзибаю.

Тогда, на горе Бессмертной Девы в ночь Юаньсяо, Линь Цзинь почувствовал: то, что Цэнь Цзибай отыскал его в крошечной тьме раньше императорской гвардии, не было чем-то само собой разумеющимся.

Это было их с Цэнь Цзибаем секретом — секретом того, что Цэнь Цзибай всегда мог его найти. Как и на утёсе Чистого Ветра, где он попросил Цэнь Цзибая никому не рассказывать о случившемся, и тот никому не сказал — это тоже был их секрет.

У Цэнь Цзибая и у него были такие секреты, и Линь Цзинь подумал, что должен подарить ему что-нибудь.

Линь Цзинь не был подобен старшим братьям, скопившим изрядные личные сбережения, или маленькому Сюню, получавшему жалованье за учёбу во дворце.

Земли на севере были распределены между солдатами; у главной ветви семьи Линь, помимо наследственного титула маркиза, осталось лишь несколько участков на родовых землях. Арендаторы либо сами служили в армии, либо служили раньше, либо собирались служить, поэтому арендная плата была низкой. В дополнение к жалованью великого маршала, которое Линь Шу получал в Линьяне и в северо-западной армии, приходилось содержать большую клановую школу. Поэтому среди знатных семей Линь не считались особенно богатыми.

Однако в семье Линь было немного людей, и в поколении Линь Шу остался только он один. Его старший брат пал на войне много лет назад, оставив лишь дочь, которая вышла замуж и обычно жила в доме Линь в Анься, управляя делами семьи. Поэтому расходы семьи Линь были невелики.

Несколько поколений накоплений давали одно преимущество: в делах, связанных с подарками, всегда можно было отыскать в семейной сокровищнице что-то подходящее для ответного дара. А затем сохранить полученное на несколько десятилетий, чтобы снова использовать его в качестве ответного подарка — если, конечно, это не были шёлк или парча, которые плохо хранятся.

Семья Линь любила получать в дар фарфор, нефрит, золото и серебро именно по этой причине.

В целом, среди знатных семей дети Линь получали не слишком большое месячное содержание. Кроме того, Линь Цзинь, обычно учившийся в клановой школе, тратил немало на общение с одноклассниками. Что касается наград, полученных от правителя Ся во время осенней охоты, то, хотя они были щедрыми, шли они в общую казну семьи.

Короче говоря, перебирая варианты, Линь Цзинь со своими жалкими несколькими лянми серебра не мог найти ничего стоящего, да и не мог взять что-то из семейной сокровищницы. Ведь он не хотел, чтобы больше людей знало, что он хочет подарить что-то Цэнь Цзибаю — это был их с Цэнь Цзибаем секрет.

Если бы он мог видеть Цэнь Цзибая лично, то передал бы подарок тайно, но пришлось просить Линь Сюня стать посредником.

Думая о том, что Цэнь Цзибай всегда избегал его, он чувствовал: любой подарок от него Цэнь Цзибаю был бы неважен.

Но даже если Цэнь Цзибай не видел его, тот должен был знать, что в мире существует Линь Цзинь. Цэнь Цзибай подарил ему Серебряный Иней, и ему это очень нравилось, но каждый раз, глядя на коня, он вспоминал Цэнь Цзибая. Поэтому он хотел, чтобы и Цэнь Цзибай часто думал о нём.

Чтобы Цэнь Цзибай вспоминал о нём, нужно было найти вещь, которая всегда была бы на виду. Поэтому он выбрал шпильку из чёрного золота: она была очень маленькой и скромной, не требовала много времени и материалов, и Линь Цзинь мог себе её позволить.

<http://bllate.org/book/15933/1423937>